

*Наталья Козлова,
журналист,
зав.отделом «Российской газеты»*

Министр под пальмой

Один из вопросов, который можно смело ставить в разряд «вечных» звучит так: как же нам, в конце-концов, обустроить свою собственную страну? Кто только не отвечал на него, но рецепта как не было, так и нет. В силу сложившихся обстоятельств, мне тоже пришлось столкнуться с таким вопросом на самом «мелком» уровне, то есть в масштабе крохотной деревни в самой что ни на есть глубинке страны. Выводы, к которым я пришла за несколько лет работы по вынужденному решению вечного российского вопроса, могут быть кому-то интересны.

Неперспективная

Так называют в нашей стране деревни, где мало жителей и нет никакой инфраструктуры. Только на территории нашего сельского совета таких деревень - большинство. Как, вероятно, и в масштабах страны. На то, что их много указывает такой факт. Неперспективными такие поселения называли еще в советское время. Они с тех пор активно вымирают, но до сих пор никак не могут погибнуть.

Итак, исходные данные: деревня Полома в Мантуровском районе Костромской области. Домов, постройки 20-30 годов прошлого века - 10. Большинство из них принадлежит нам, тем, кого в этих местах называют «дачниками» или «москвичами». В силу удаленности деревни от столицы почти на 600 километров, все «дачники» посещают свои домостроения два-три раза в год. Как правило, это пара дней на какие-то календарные праздники и пара недель отпуска в летние месяцы. Пятнадцать лет назад, когда я стала хозяйкой недвижимости в означенной деревне, местных жителей было много - десять человек. Дачникам из Москвы принадлежали пять домов. Бабушки с дедушками держали коров, баранов, поросят, коз и не слишком разнообразную птицу. Такое положение сохранялось больше десяти лет. За это время весь мой личный вклад в обустройство деревни был в привозе из столицы соседу в подарок трех элитных индюков и строительство дороги от шоссе до самой Поломы. По поводу дороги все было просто - случайно узнала, что такая дорога длиной в один километр двести метров была построена, как бы помягче выразиться, только на бумаге. Деньги, правда, на нее были выделены вполне реальные, исчисляемые миллионами рублей, но, как водится на Руси, эти миллионы банально украли. Расчет, вероятно был на то, что несколько стариков и дальняя маленькая деревня не привлекут к себе внимания. Время показало, что подумали отдельные местные начальники не правильно, как говорят в наших правоохранительных органах - случилась «ошибка в объекте».

Сохранились документы, что дорога принята в эксплуатацию. Эти бумаги пришлось изъять и продемонстрировать местной вороватой власти с обещанием посадить подписантов липовых документов как минимум по двум уголовным статьям - за хищение в особо крупных размерах и злоупотребление служебным положением. Обе статьи предоставляли в качестве наказания богатый выбор между зонами в диапазоне от севера до юга Сибири, захватывая ее запад и восток. Даже минимальные сроки заключения по этим статьям давали понять, что быстро вернуться домой никак не получится. На самом деле, можно было не шантажировать власть, а просто передать документы в правоохранительные органы. Воров почти наверняка бы посадили, но дороги уж точно никогда бы не построили. А дорога из-за которой в деревню не несли пенсии, не везли продукты и которую в рыночные времена перестали чистить зимой от снега, была местным жителям важнее срока на нарах для далеких начальников. Описывать бои местного значения не буду, дело давнее. Скажу лишь, что начальство на следующий год нашло деньги (еще откуда-то украли ?) и дорогу построило.

А индюки были блажью соседа дяди Миши. Он родился на юге и выпив местной отравы, любил вспоминать о молодости, проведенной под бормотание обиженного индюка. После нескольких лет уговоров, птиц я привезла, как думала на погибель. Но ошиблась. Индюки при отсутствии ухода и нормального кормления выжили и размножились. Правда, яйца индюки несли в лесу, но выводки приводили в деревню. В результате такого спартанского существования выживал у них небольшой процент молодежи. Но через несколько лет птицы все-таки размножились по окрестным деревням и удостоились целого очерка с фотографией в местной районной газете, как уникальное туземное явление. Хотя если бы за птицей ухаживали и построили бы индюкам даже минимальное жилье, то птицей можно было бы торговать по всей области, выручая хорошие деньги. Правда, тогда страна называлась бы по другому, например, Швецией.

Уравнение со всеми неизвестными

Три года назад положение в деревне резко изменилось. Старики как-то быстро, фактически в течении одного года, умерли. Осталось всего три человека. Да и они заявили, что на зимние месяцы теперь будут уезжать к детям, так как зимой им не по силам жить одним в ставшей вдруг пустой деревне. Автоматически исчез скот и даже куры. Это был явный шаг к концу существования деревни. Тенденция, когда старики на зиму уезжают, а весной возвращаются, длится, как показывают местные наблюдения, не больше двух, трех, максимум пяти лет. Перспектива деревни Полома была видна даже невооруженным взглядом. Зимой в пустую деревню придут развлекаться подростки, а за ними нестройными рядами местный алкогольный «бомонд» из пьющих бездельников, которые будут выбирать что украсть, чтобы продать или обменять на очередную емкость с отравой. Так что вопрос,

как заселить вымирающую деревню, если мы хотим возвращаться в свои дома, а не на развалины или пепелище, встал перед дачниками во всей своей суровости. Надо было либо сделать попытку решить вопрос с новыми постоянными жителями деревни, либо перебраться в другой регион, к людям. На сходке дачников, прошедшей на моей городской кухне, было решено попробовать спасти Полому. Удрать мы всегда бы успели, а деревню, ставшую родной, было жалко. Проводить операцию было поручено мне.

Первые шаги оказались неудачными. Местные жители окрестных деревень перебраться в Полому отказались. Дети наших стариков возвращаться на малую родину не стали. Трезвые хозяева из этого и соседних районов в переезде к нам тоже не видели смысла. Интернет показал полную беспомощность в подобных поисках. Недели работы в сети выдали любопытный результат. Оказалось, что я могу совершенно точно узнать, кто и с какими данными нужен в Америке, Канаде и в Новой Зеландии. Могла свободно выяснить, кто из наших граждан предлагает себя для нужд других государств. А вот кто нужен в России всемирная паутина не знала. Никто ни на официальном, ни на частном уровне не собирал данные, есть ли в стране люди, желающие выбрать деревню на жительство. Это же в более туманных выражениях подтвердили мне и в нашем главном сельскохозяйственном ведомстве. Если перевести их объяснения с махрового канцелярского языка на русский, то ситуация выглядит так - такой проблемы у нас в стране нет. Вероятно, как и секса в советское время. Но если у высокопоставленных чиновников подобной головной боли не существовало, то у нас, в конкретной деревне, она была. Пришлось придумывать на ходу.

Звонок, как зеркало нашей жизни

Как раз в это время в «Комсомольской правде» шла очередная акция, под названием - «Выбираю деревню на жительство». Идея акции была привлекательна. Но ее исполнение, а к тому времени журналисты уже расписывали свои некоторые результаты, меня не устраивало. «Комсомолка» брала просто бездомных граждан (на милицейском языке - без определенного места жительства), за свой счет перевозила в какую-то пустующую халупу и расписывала их радужные мечты на будущее. Никакой экономикой это не пахло. Но в газете согласились помочь мне как коллеге и опубликовать заметку в рамках этой акции. Мой расчет был на миллионное количество подписчиков и возраст аудитории молодежной газеты. Этот расчет в итоге оказался верным.

В статье я написала правду - есть замечательная маленькая деревня с почти вымершим населением. В деревне есть дачники. Природа благоприятствует сельскому труду - хорошие луга, нормальный климат и масса свободной земли. Нужны люди с головой и руками. На что я рассчитывала? На тех, кто не боится работать на себя. На грамотных и не бедных людей. Отдавала себе отчет, что таких мало. Естественно, благополучный и

грамотный хозяин никуда со своего места не сорвется. Но непредсказуемость (это самый мягкий из возможных эпитетов - Н.К.) власти, особенно местной, давала надежду, что такие люди могут появиться и появляются. Время показало, что расчет на дурость власти - резать курицу, несущую золотые яйца - правильный. Утро следующего после публикации в «Комсомолке» моей заметки я запомнила хорошо. Телефон звонил без остановок. Так продолжалось около трех месяцев. Пришлось принять около полутысячи звонков. Я всех желающих расспрашивала, задавала вопросы и брала координаты, ничего пока не обещая. После того, как общий вал звонков схлынул, анализ собранной информации дал следующие результаты. Наибольшая категория звонков - это граждане из бывших союзных республик. При всем уважении к соотечественникам и желании им помочь, у этой категории было очень много «минусов». Это в подавляющем большинстве бывшие жители городов, совершенно не знакомые с российской сельской действительностью. Их профессии - водитель троллейбуса, статистик, инженер ткацкого производства и прочие, в нашей глубинке были не нужны. Переквалифицироваться никто из них не горел желанием. Большинство женщин говорили, что «боятся коров» и удивлялись, что в распутицу в сапожках на каблуках в деревне далеко не уйдешь, а их мужчины не хотели пахать землю и заготавливать дрова, а согласны были в крайнем случае, вместо троллейбуса, которые в наших местах не обитали, водить автобус. В конце разговора, многие из них признавались, что рассматривают деревню, как транзит для получения прописки и российского гражданства, а потом не мешкая двинутся в город, так как считают себя городскими жителями. Таким людям очень хотелось помочь, но деревня Полома не Курский вокзал и нам транзитные пассажиры были не интересны. Второй и тоже не маленькой группой были граждане, которых я назвала «обиженные». Это были городские женщины, поругавшиеся или разведенные с мужьями. Они желали с детьми уехать «от этого гада» подальше. Но удивлялись, что центрального отопления в избах нет. На вопрос, а на что собираются жить, отвечали, что муж (мама, родственники) пришлют. Их познания в сельском хозяйстве ограничивались уходом за клумбой с флоксами на даче у родственников. На вопрос, а как насчет посадки картошки, отвечали, что это всегда можно купить в магазине. Их смущало, что ближайший магазин находится в нескольких километрах, и то, что картошки там совершенно точно не продают. В этой категории оказалось и очень много подростков, молодых людей, которые говорили, что им срочно требуется адрес деревни и они готовы выехать завтра. «Подальше от предков, которые достали...» Хотя все они собирались не заниматься сельским хозяйством, но жить планировали на деньги именно «доставших предков». Еще одна категория - граждане другой национальности. В основном, из кавказского региона. Да, среди них были те, кто имеет не только большие семьи, но и действительно будет жить на земле и умеет заниматься сельским трудом. Но местное

население, и я в этом отдавала себе отчет, может не воспринять приезжих. Решение же национальной проблемы в наши планы не входило.

Немалой оказалась и категория стариков. Это городские жители у которых выросли дети и они планировали оставив им квартиры, сами переехать жить в деревню. У таких, с моей точки зрения, было два явных минуса. Во-первых, нам вполне хватало «своих» стариков с их болячками, во-вторых, это такие же дачники, с появлением которых проблема умирания деревни не решается, а лишь откладывается еще на несколько лет.

Еще одна категория - военные. Это люди отслужившие в армии и желающие попробовать себя в новой гражданской жизни. Минусы этой категории - практически полное отсутствие специфических «сельских» знаний и средств на которые надо начинать. В наши планы не входило обучение и поиски денег, а так же неизвестность. Нереально было вычислить количество времени, которое пройдет до того момента, пока не станет ясно, во что выльется этот эксперимент. Это важная и возможно нужная селу категория граждан с привлекательным возрастом (около 40 лет), но готовить такие кадры для жизни в деревне должно государство.

Пропущу категорию «психов и хапуг». Это люди, которые либо мечтали в сельской глуши изобретать вечный двигатель, либо забыв поздороваться, выясняли по телефону сколько ежемесячно в иностранной валюте мы готовы платить им за их желание жить в нашей деревне. К сожалению, таких граждан было приличное количество.

Еще категория - вчерашние заключенные, решившие после освобождения уехать подальше. Вариации на тему «Калины красной» я исключила сразу.

И, наконец, та самая группа, которая была потенциально интересна. Это реальные сельские жители, в основном состоявшиеся фермеры, которые хотели поменять место дислокации. От общего количества обратившихся таких было примерно пять процентов. На самом деле в масштабах страны это очень приличная цифра. Если подобный отбор, который провели мы, делал бы специальный орган и более профессионально, то даже этих процентов с лихвой бы хватило на не одну умирающую российскую деревню.

Проверка на честность

Дальше, было дело техники. Из этой категории потенциально будущих жителей нашей деревни отбирались самые грамотные, опытные и богатые. Последнее не маловажно. Возможность не побираться, а сразу встать на ноги и работать значит многое. Тем более, что ждать денег от государства или частного банка в виде кредита сельчанам весьма проблемно. Потому как банки дают ссуду для села во-первых, под какой-то неприличный, на мой взгляд, залог. И он реален лишь для тех, кто живет в регионе давно и имеет дом, двор, гектары. А во-вторых, нынешние банковские проценты, которые начинают взиматься сразу, как только

выдана ссуда, а не то итогам посаженного и выращенного, сельским жителям не может быть выгоден. Нынешние новации с сельскими кредитами пока на общую картину никак не повлияли и больше «работают» на уровне благих пожеланий начальников, чем в реальности. В итоге, осталось две фермерские семьи - одна с Урала, вторая из Башкирии.

Проверка, необходимая на мой взгляд, проведенная с помощью связей в органах показала, что в семье из Башкирии есть проблемы. Там глава семьи отсидел за убийство соседа, совершенное в нетрезвом виде и по выходе из мест лишения свободы семья вынуждена была уехать. Эту информацию от меня скрыли, отвечая на вопрос, а почему вы хотите уехать из родного села. При большом количестве плюсов, выяснилось, что хозяин употребляет редко, но сильно, что отражено в милицейских документах по прежнему месту жительства. Дополнительный фактор риска помноженный на наше местное положительное отношение к алкоголю, могло дать ненужный нам результат. Рисковать смысла не было.

Победители такого импровизированного конкурса - семья с северного Урала сейчас живет в нашей деревне. Это муж, жена, два сына (один еще дослуживает в армии), невестка одного из сыновей и их ребенок. Есть транспорт - «Газель» и Жигули. Есть стадо телят в 20 голов, бараны, индюки, гуси, разных пород куры. Есть козы и прекрасная корова. Впервые за много лет по деревне бегают пятилетний Миша - маленький внук новых жителей Поломы и ему тут нравится. Наши фермеры оказались единственными на весь район, размером с небольшую западную страну. Деревня Полома на карте страны остается. Почему свои заметки я назвала «Министр под пальмой»? Да потому, что переселять, вернее заселять родные просторы должны не мы, а государство. Совершенно определенно могу заверить, что из окон министерств и ведомств, отвечающих за благополучие страны, деревню Полома не видно. Как, впрочем, и всех остальных деревень. Когда высокое руководство находит время посещать вверенную ему территорию, то об этих планах кому надо знают заранее и соответственно к этому готовятся - красят траву и ищут белые халаты для посещения сельских ферм. Белые одежды - халаты и шапочки, кстати, сильно пугают коров и временно снижает их надой, потому как наши коровы халатов отродясь не видели. Руководителям «оттуда» местные боссы говорят исключительно то, что приезжие хотят слышать, а о проблемах шепчут скороговоркой, которая забывается за первым же, но совершенно обязательным, фуршетом. Картина положения в глубинке от этого в начальнических головах складывается весьма своеобразная и часто радикально отличается от той, что есть в действительности. К этим трудовым будням начальников, надо добавить немаловажный момент - отдыхают они от трудов праведных, в основном, очень далеко от нашей и всех остальных деревень. Для этого достаточно посмотреть их отпускные маршруты. Чаще всего отдых проходит под пальмой, растущей на территории пятизвездного отеля в той самой

стране, которая по размеру с наш Мантуровский район или с целую Костромскую область. Мы с ними как разные космические тела, каждое из которых движется по своей траектории и очень редко пересекаются. Но вот проблема - страна то у нас одна...